

Логический субъективизм: софисты, психологизм и деуниверсализация классической логики

(онто-гносеологические сюжеты в истории логики)

Поставив задачу раскрыть динамику того содержательно богатого взаимодействия онтологических и гносеологических предпосылок, которое разыгрывается в ходе истории логики¹, мы не ограничивали себя необходимостью жёстко придерживаться исключительно хронологической структуры исследования. Безусловно, последовательный обзор персоналий значим для изложения наработанного материала, методологически оправдан он и с исследовательских позиций, однако скрепляющими ткань изложения и смыслообразующими компонентами в процессе исследования оказываются лишь сквозные темы.

Тему субъективизма в логике можно вести, пожалуй, начиная с древнегреческих софистов, заполняющих вполне ограниченный (2-ая половина V – 1-ая половина IV в. до н.э.) временной отрезок в истории логики. Правда, этот отрезок хронологически расположен до оформления научной системы логики, более того – возникновение логики Аристотеля стоит рассматривать, в том числе, и как реакцию на субъективистский произвол в аргументационной практике софистов. Практика эта предполагала следующую позицию²: *поскольку всегда имеет место мнение, а не истина, постольку аргументация не зависит от предмета рассуждения, а значит, осуществим принцип – «всё доказуемо», необходим только соответствующий навык*. Аристотель же противопоставил софистам следующую позицию: *поскольку истина существует, постольку корректными являются лишь те формы умозаключений, которые сохраняют истинность исходных посылок, а значит – не всё доказуемо, и необходимо теоретическое обоснование корректных форм умозаключений*.

Софисты, в качестве относительно определённого социального и философского образования, после такой реакции ушли со сцены, а вот сам мировоззренческий феномен философского субъективизма не раз ещё заявлял о себе. Однако нас интересует судьба именно *логического субъективизма*, который, благополучно пережив «блеск и нищету» средневековой схоластики и смутное для логики Новое время, спокойно обосновавшись в системе Schullogik, обнаружил себя в контексте обсуждения проблемы психологизма.

Логический психологизм является концепцией обоснования логики, имеющей форму своеобразного редукционизма, утверждавшего, что логика представляет собой часть психологии или, по крайней мере, зависит от неё. Основной чертой концепции психологизма выступает следующий аргументационный ход: базовой категорией логики является (правильное) мышление, само же мышление понимается как психический акт или психический процесс и является важнейшим предметом исследования в психологии, следовательно – логические формы мышления (понятия, суждения и умозаключения) должны пониматься исключительно в качестве психических феноменов, находящих свое выражение в языковой форме, а логические правила – в качестве законов психических актов мышления, сама же логика – в качестве

¹ Кислов А.Г. Онтогносеологические сюжеты в истории логики: апории Зенона // Эпистемы: Материалы межвузовского семинара: Альманах. Екатеринбург, 1998. С. 84 – 90.

² Сорина Г.В. Логика и софистика: притяжение и отталкивание // Смирновские чтения. 3 Международная конференция. М., 2001. С. 169 – 171.

специфической психологической дисциплины, классифицирующей мыслительные процессы. Отсюда, основной задачей логики становится исследование и моделирование человеческого мышления на основе психологических методов.

Психологизм берет свое начало в английском эмпиризме и, пожалуй, в неoarистотелизме³, понимаемом как логический номинализм, т.е. в концепциях, где присутствует тот или иной вариант редукции абстрактных сущностей к эмпирической первооснове. То, что психологизм смог пережить такое развитие, как это случилось, прежде всего, в рамках немецкой философии XIX в., без сомнения обусловлено именно развитием психологии, которая в своем предмете касалась философской проблематики – у Аристотеля, например, психология была отдельной философской дисциплиной. Основателем психологизма можно считать современника Г.В.Ф. Гегеля – Я.Ф. Фриза, который излагал философию И. Канта исключительно в психологической терминологии, да так, что преобразовывал “трансцендентальное” в “психологическое”. Идеи Фриза оказывали продолжительное влияние на развитие психиатрии (именно им введен термин “патопсихология”). В качестве главной задачи философии он рассматривал психологические исследования разума, рассудка, интеллекта, а в качестве главного метода – самонаблюдение. Аналогичную психологистическую критику спекулятивной философии во имя естественнонаучно ориентированного мышления проводил Э. Бенке, единственно возможным основанием познания был для него только психологический опыт. Концепция Дж. Ст. Милля тоже близка к эмпирической точки зрения психологизма, т.к. он рассматривал логику как исследование психических процессов при выводах. Сходную точку зрения мы находим и у Х. Зигварта, который видел в логике науку о технике правильного мышления. Затем им следовали В. Вундт, Б. Эрдман, Т. Липпс и др. Подчинял логику психологии и Ф. Brentano – философ, внесший значительный вклад в формирование феноменологии, в частности – теории предметности. Он толковал логику как искусство суждений, где суждение – один из трех психических феноменов, наряду с представлением и ощущением (чувством), понимаемых как акции, действия. Как видно, в свое время психологизм был плодотворным философским направлением (например, оказался непосредственной средой становления феноменологии), но позже, как и всякое утрирование, он стал препятствием для философских исследований, в том числе и для развития логики как отдельной научной дисциплины. Во все времена психологистической ориентации в логике резко противопоставлялась такая радикальная форма антипсихологизма как логический объективизм (реализм вообще и платонизм в частности), среди ранних представителей которого – Б. Больцано и Р.Г. Лотце⁴.

Однако с позиции традиционной логики критика психологизма была затруднена. Например, иногда безусловный характер предмета логики как науки об общечеловеческих принципах правильного мышления служит основанием его различия с предметом психологии, т.к. последняя исследует мыслительную и душевную деятельность индивида в зависимости от конкретных условий его существования. Но таким образом логика как наука всё равно сводилась бы к разделу своего рода формальной психологии.

³ Frane J. Der Psychologismus und Webers Gegenstandstheorie // Acta analytica: Philosophy and Psychology. Ljubljana, 1989. P. 41 – 49.

⁴ Учитель Г. Феге в Гёттингене.

Отчётливее зазвучала борьба “за” и “против” психологизма к началу прошлого столетия, когда потребовалось оформление нового воззрения на новую логику. Наиболее резкой критике психологизм был подвергнут тогда, когда работы противников психологического направления в логике, в особенности Г. Фреге – лидера логицизма, получили признание в качестве основополагающих работ в области современной (математической) логики. Любопытно, что такие протагонисты феноменологии как А. Мейнонг и Э. Гуссерль в начале своего философского пути были сторонниками психологизма, оба философа: Мейнонг в работе по критике номинализма (1877) и Гуссерль в своей диссертации по философии арифметики (1891), – сформулировали воззрения о зависимости философии и математики от психологии. Позднее их психологистическая установка претерпела существенные и близкие по своему духу трансформации. Мейнонг выступил против крайностей в оценке эксперимента как метода, заявляя, что как логицизм означает смерть всякой истинной психологии, так и психологизм – смерть всякой истинной логики. Наиболее широко известна исключительно эффективная критика психологизма, представленная Гуссерлем, пожалуй, благодаря побудительной критике Фреге на упомянутую диссертацию, в его “Логических исследованиях”⁵. Психология является, согласно Гуссерлю, эмпирической наукой, которая вследствие своей эмпирической и, следовательно, неопределенной природы не может быть основанием для логических законов. Логические законы обосновываются не индукцией, а “аподиктической ясностью (очевидностью)”, благодаря же психологическому обоснованию логические законы откровенно проигрывают. Однако термин “аподиктическая ясность” требует следующего комментария: в качестве критерия истины он является сугубо философской категорией, но уже у Р. Декарта – категорией весьма сомнительной. Тем не менее, антипсихологизм в логике занял главенствующее положение, например, в польской (Львовско-Варшавской) логической школе: “То, что называется “психологизмом” в логике, – признак упадка логики в современной философии”⁶, – писал Я. Лукасевич. Однако после широкого анализа логических парадоксов, обнаруженных в основаниях классической теории множеств, психологизм вновь получил распространение в среде философов, логиков и математиков. На связи логики и психологии продолжали настаивать следующие математики Л.Э.Ж. Брауэр, А. Пуанкаре, Э. Гобло, Ф. Энрикес, Ф. Гонсент и др., психологи – Г. Штеринг, Т. Циген, И. Херман, Э. Риньяно, Ж. Пиаже и др. В 80-е годы XX в. интерес к проблематике психологизма возрос, но претерпел серьёзное видоизменение⁷, т.к. теперь он получает импульс со стороны междисциплинарных исследований по компьютерному моделированию человеческого интеллекта, в рамках неформальной логики⁸ (современной формы теории аргументации). Примечательно, что тема логического субъективизма актуальна и для современной философии логики, где важным, прежде всего, оказывается признание принципиальной неэлиминируемости агента рассуждения в семантике логических языков⁹.

⁵ Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1. Спб., 1909.

⁶ Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 48.

⁷ Например, о программе метапсихологизма см.: Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л., 1988. С. 48-66.

⁸ Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина (к вопросу о соотношении формальной и неформальной логики). М., 1998.

⁹ См., например: Смирнова Е.Д. Логика и философия. М., 1996; Гжегорчик А. Психологическая семантика и уклонение от антиномий // Логические исследования. Вып. 6. М., 1999. С. 126 – 137; Грифцова И.Н.

А как же объективный характер логики, покончившей в своё время с субъективизмом софистов? Имеют ли место несофистические формы логического субъективизма? Для выяснения проблемы необходимо уточнить само понятие логического субъективизма, для чего, в свою очередь, придётся вновь обратиться к различию значений термина «логика».

Множественность значений исходного «λόγος» усложняется непростой философской судьбой большинства из этих значений, полисемия сохранилась и в современном употреблении производного термина: (1) выражения «логика вещей», «логика событий» и т.п., скорее всего, предполагают некоторую упорядоченность, законосообразность, замеченную в самой действительности, здесь термин «логика» имеет онтологическое значение; (2) если же упорядоченность и законосообразность наблюдается в осмыслении действительности и в осмысленном поведении, говорят о «логике мышления», «логике познания» и «логике поступков», здесь имеет место, соответственно, гносеологическое значение термина; (3) но отчётливее всего требование быть логичными предъявляют рассуждениям, говоря о «логике доказательств и опровержений», здесь мы имеем дело с тем значением термина, которое опирается на трактовку рассуждений как особого рода дискурсивных актов – со *специально* логическим значением. Вряд ли будет состоятельным спор о наиболее верном или наиболее удачном употреблении слова «логика». Нельзя выделить «самое главное» из его значений, более того – весьма затруднительно вообще провести жёсткие границы между ними. Так что проще говорить о различных аспектах значения, каждый из которых сыграл определенную роль при выборе и закреплении термина «логика» в качестве имени рассматриваемой научной дисциплины, где, кроме собственно логических проблем, неизбежно встают вопросы метафизического характера об онтологических и гносеологических предпосылках семантики формальных языков различных систем логики. Часто, имея в виду особую научную дисциплину, термин «логика» снабжают эпитетом «формальная» (впервые это, по всей видимости, было сделано в XVIII в. И. Кантом). Ставшее привычным дополнение сегодня, пожалуй, излишне. Во-первых, современная логика немыслима без рассмотрения содержательного уровня проблем. Во-вторых, если под «формальным» понимать «получившее форму», избыточность заключается в том, что логика изучает мышление именно с точки зрения его способности быть оформленным, выраженным в языке. Конечно, наиболее распространенным для пропедевтического варианта остается определение логики как науки о формах и законах правильного мышления. Однако именно дискурс – как речь, «погружённая в жизнь»¹⁰, как особая языковая практика, в широком понимании языка как семиотической системы, задаёт формы мысли и потому являет собой пространство логических исследований.

Уточнение современной трактовки логического знания поможет взглянуть и на проблему логического субъективизма.

Под субъективизмом, в общефилософском смысле, понимают мировоззрение, по той или иной причине игнорирующее саму возможность объективного подхода, т.е. отвергающее объективные законы внешнего мира (онтологический субъективизм) и/или познания (гносеологический

Проблема субъективности в логике // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН 1998. М., 1999. С. 34 – 40.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 137.

субъективизм). Таким образом, логический субъективизм следует определить как отказ логике в объективности её законов. Исключить субъекта действия из-под влияния закономерности – характерное намерение любого субъективизма. Логический субъективизм, как это было у древнегреческих софистов, предполагал свободную от законов аргументационную практику.

Здесь уместен вопрос о соотношении онтологического, гносеологического и логического субъективизма. Весь kaleidoscope исторических форм философского субъективизма рассмотреть нелегко, ограничимся только теми, которые раскрывают суть проблемы онто-гносеологических оснований различных типов логик как систем и стилей рассуждений. Многообразие возможных иерархий взаимоотношений различных форм логического субъективизма было удачно сформулировано софистом Горгием Леонтинским (ок. 483 – 375 до н.э.) в цепочке тезисов: (1) ничего не существует; (2) а если бы и существовало, то было бы непознаваемо; (3) а если бы и было познаваемо, то было бы невыразимо (трактат «О не сущем или о природе»¹¹).

Таким образом, можно выделить три основные формы логического субъективизма:

1. *Крайний алогизм*, базирующийся на полном метафизическом, т.е. на онтологическом и гносеологическом субъективизме. Предполагает отсутствие (пустое множество) логических систем. Крайне проблемная для своего анализа позиция, т.к. в чистом виде не опирается на аргументацию в знаковой форме (например, дзенские практики), а в ослабленном своём варианте тяготеет к чувственно-эстетическим обоснованиям, переживая, а не доказывая «апофеоз беспочвенности» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Л. Шестов). Ещё одна проблема заключается в том, что в причастности к этой форме логического субъективизма спешат заподозрить тех философов (например, М. Хайдеггера с его «катакой на логику» в лекции «Что такое метафизика?»¹²), которые критикуют господство лишь традиционной логики, а не возможность и состоятельность логического вообще.
2. *Логический произвол*, базирующийся на признании принципиальной непознаваемости мира, живущего по неведомым законам, т.е. на совмещении онтологического объективизма и гносеологического субъективизма. Предполагает актуальную бесконечность локальных, ситуативных *ad hoc* логик. Такова была исходная позиция софистов в Древней Греции: «Об одном и том же можно выражаться многообразно, благодаря чему и великое можно представить ничтожным, и малому придать величие»¹³; таковы, на наш взгляд, и общие установки «постмодернистских штудий»: гетеро-логики¹⁴, топологики¹⁵, онтологики и др. Но если у софистов акцент определённо падал на естественную освобождённость субъекта рассуждения, ибо по Протагору именно «человек есть мера всех вещей», от гнёта знания законов предданного мироздания: много голосов (мнений) – один мир; то современная философия тяготеет к признанию самой континуальной множественности онтологий,

¹¹ Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker, Bd 2, Berlin, 1935. S. 271 – 307.

¹² Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

¹³ Исократ. Панегирик // Ораторы Греции. М., 1985. С. 39 – 64.

¹⁴ Керимов Т.Х. Социальная гетерология. Екатеринбург, 1999. С. 120 – 158.

¹⁵ Азаренко С.А. Топология культурного воспроизводства (на материале русской культуры). Екатеринбург, 2000. С. 173 – 184.

определяющей многообразие концепций истины¹⁶. Последнее, в силу принципиально неформализационного характера концептуальных построений, делает современный вариант этой формы логического субъективизма активной средой философского обоснования и содержательной критики для *специально* логических исследований в рамках следующей формы¹⁷.

3. *Логическое многообразие*, базирующееся на деуниверсализации классической логики и признании зависимости систем логики от принимаемых в семантике формальных языков метафизических (т.е. онтологических и гносеологических) предпосылок. Формальность логики, изучающей принципы правильного мышления весьма условна и ограничивается абстракцией лишь от *конкретного* содержания логических форм. Это вовсе не влечёт к полной независимости структурных свойств конкретной логики ещё и от *общих* свойств различных классов мыслимых систем предметов и событий (конечных – бесконечных, чётких – нечётких, статических – динамических, и т.д.), равно как и от *общих* свойств различных классов агентов рассуждения, принимающих те или иные теоретико-познавательные предпосылки, касающиеся понятий истинностного значения, утверждения и отрицания, отношения логического следования и т.д. Такой относительный метафизический объективизм и условный субъективизм в логической семантике предполагает потенциальную бесконечность систем отдельных, партикулярных, но взаимосвязанных логик. Таким образом, никакие логические законы никакой отдельной логики не рассматриваются в качестве универсальных, а их независимость от конкретного содержания задаётся границами применимости данной логики. Современный взгляд на логические исследования сформировался в работах авторов первых систем неклассических логик: «воображаемая логика» Н.А. Васильева¹⁸, многозначные логики Я. Лукасевича¹⁹, идея интуиционистской логики у Л.Э.Ж. Брауэра²⁰ и др.

Этим трём формам логического субъективизма противостоит крайний логический объективизм, т. е. признание классической логики единственной и универсальной системой рассуждений. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что область *специально* логического знания, которую обобщённо называют классической формальной логикой, также неоднородна. Созданная в качестве научной дисциплины Аристотелем и дополненная стоиками, она претерпела существенные трансформации в средневековье²¹, причём именно эта «школьная» форма классической формальной логики (Schullogik) позднее была подвержена психологистической трактовке. Рождение математической логики в середине XIX в. (Дж. Буль, А. де Морган) по сути своей было лишь уточнением традиционной Schullogik и в первых своих вариантах сохраняло сложившуюся психологистическую установку, предполагая изучение процесса мышления. Лишь

¹⁶ Котелевский Д.В. От многообразия концепций истины к множественности онтологий // Эпистемы: Материалы межвузовского семинара: Альманах. Екатеринбург, 1998. С. 36 – 38.

¹⁷ См., например: Васюков В.Л. Формальная феноменология. М., 1999.

¹⁸ Васильев Н.А. Воображаемая логика. Казань: Общество Народных Университетов, тип. Гран. 1911. 6 с.

¹⁹ См. также переиздание: Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989.

²⁰ Łukasiewicz J. O logice trójkwartościowej // Ruch Filozoficzny. 1920. T. 5. S. 170 – 171. (Английский перевод: Łukasiewicz J. On three-valued logic // Łukasiewicz J. Selected works. Warszawa, 1970. P. 87 – 88).

²¹ О творчестве Л.Э.Я. Брауэра см.: Панов М.И. Можно ли считать Л.Э.Я. Брауэра основателем конструктивистской философии математики? // Методологический анализ математических теорий. Сборник научных трудов. М., 1987. С. 77 – 119.

²² См.: Бочаров В.А. Аристотель и традиционная логика. М., 1984.

к концу XIX столетия произошло существенное расширение сферы применения логики, а именно – в работах Г. Фреге стали рассматриваться выводы на основе таких форм суждения, которые отражают отношения между предметами. Подобное расширение классической формальной логики тем не менее не привело к пересмотру или уточнению её общих законов: тождества, исключённого третьего и непротиворечия.

Не пострадала сама по себе «универсальность классичности» и после осознания множественности категориальных систем, т.е. грамматик формальных языков различных логик. Например, в силлогистике, использующей выражения типа “Все S суть P”, термины принадлежат к категории общих имён. В языках фреге-расселовского типа, т.е. языках исчислений предикатов или теории типов принимаются категории предложений и собственных имён. В “онтологии Лесневского” работают категории предложений и имён (общих, пустых или собственных – различия между ними игнорируются). Рост теоретичности логического знания, его математизация привели к серьёзной критике наивных психологистических установок, что первоначально укрепило позиции классической формальной логики. Но позже, эта же тенденция теоретического роста и повышение философской рефлексии логического знания привели к деуниверсализации классической логики.

Историческая динамика сюжета субъективизма в логике заключается в том, что возникновение классической логики в древней Греции было реакцией на логический субъективизм в форме аргументационного произвола софистов, современный же логический субъективизм в форме принятия многообразия логических систем, в свою очередь, есть реакция на неоправданную претензию классической логики остаться универсальным методом анализа. Деуниверсализация классической логики предполагает следующую позицию: *поскольку имеет место многообразие концепций истины, постольку анализ умозаключений зависит от принимаемых в конкретной логике онтологических и гносеологических предпосылок, а значит – осуществимы различные подходы к процедуре доказательства, и необходима развёрнутая теория логического анализа как вида дискурсивной практики.*

Конфликтная парадоксальность сюжета, собственно и обеспечивающая динамику его развития, основывается на признании принципиальной неэлиминируемости агента рассуждения в семантическом обосновании любой логической системы, что позволяет взглянуть на крайний логический объективизм универсализации классической логики как на частный элемент из третьей, предполагающей структурированное многообразие логик, формы логического субъективизма, но со сверхличным, стоящим вне и над миром единственно подлинным мета-субъектом. Деуниверсализация классической логики и признание неклассических логик вовсе не упраздняет классическую логику, не отказывает ей в специфичности, а лишь определяет её место в ряду различных типов логик.

В стороне от обсуждения развития логики остался крайний алогизм, но этот вечный спутник истории логики, выполняя свою ограничивающую функцию, т.е. вынуждая нас молчать о том, о чём невозможно говорить²², всегда будет находиться за пределами самой логики.

---

²² “Wovon man nicht sprechen kann, darüber muß man schweigen” – знаменитый афоризм Л. Витгенштейна, которым он заканчивает свой «Логико-философский трактат», говорит о границах логического именно в дискурсивном ключе (Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994. С. 73).